

9238

530

*Трудовой вахтенной
Розы и Мартыны
Трудовой*

от августа

Москва, 23/8 1920

Чернышев, В. Р.

$\frac{3}{2-49}$

Г. В. Плеханов, как экономист.

Введение.

5m

«Литературное наследство», оставленное Г. В. Плехановым, поистине громадно. Нет, кажется, такой области жизни и мысли, в которую не проникал бы универсальный ум покойного. Но во всех сферах творчества он оставался себе равным, несравненно владея методом диалектического материализма Маркса-Энгельса. Монизм мышления—это черта, свойственная Плеханову, как, быть может, ни одному из других учеников Маркса.

«Марксизм—не только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он—не только известная историческая теория (исторический материализм); он также не есть известное экономическое учение плюс известная экономическая теория. У Маркса экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насквозь пропитано ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только экономическое, но также историческое сочинение. Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет мирозерцания. Он—только часть материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм,—иначе: материалистическое по-

нимание истории,—предполагает материалистическое объяснение природы... Марксизм представляет собою цельное и стройное мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его, как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием»¹⁾... (курсив всюду Плеханова).

По этому же поводу Плеханов говорит в другом месте: «Самая главная заслуга в разработке современного материализма принадлежит, без всякого сомнения, Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого мирозерцания, т.-е. так-называемый исторический материализм и тесно связанная с ним совокупность взглядов на задачи, метод и категории политической экономии и на экономическое развитие общества, в особенности же капиталистического, являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса»²⁾...

«Экономические взгляды Маркса были теснейшим образом связаны с его историческими взглядами. Чтобы хорошо понять «Капитал», безусловно необходимо сначала хорошо вдуматься в знаменитое предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie»³⁾, которое Плеханов называет в своей статье «Бернштейн и материализм»—«пролегоменами ко всякой будущей социологии, которая могла бы выступить, как наука»⁴⁾...

Этот монизм мирозерцания составлял сущность всего творчества Плеханова, как достойнейшего продолжателя Маркса и Энгельса. В былое время «критики» марксизма упрекали его в ортодоксии и в рабском повторении марксовой «догмы». Не говоря уже о том, что самое название «догма» не может быть применено к методу, суть которого состоит в диалектике, совершенно ложно представление о Плеханове просто как о популяризаторе Маркса. Наоборот. В любой его работе—касающейся философии, эстетики, литературы, истории, политической экономии, социологии, партийной програм-

¹⁾ «От обороны к нападению». Двадцатилетие смерти Маркса, стр. 481.

²⁾ «Основные вопросы марксизма». Изд. «Огни». 1917 г., стр. 3.

³⁾ Ibid., 109 стр.

⁴⁾ «Критика наших критиков». СПб. 1906 г., стр. 165.

мы или тактики, вы, подходя к Плеханову без предвзятости, найдете самостоятельное изыскание, лишь одухотворенное глубиной диалектического метода Маркса.

Пусть другие дадут оценку творчества Г. В. Плеханова в иных, более им близких областях. Мы ограничимся здесь разбором того, что он сделал в области теории политической экономии. Определенно и сознательно отграничиваем мы эту тему от другой, близкой и родственной—о Плеханове, как социологе. Смешение этих двух тем повело бы нас к исследованию таких его работ, как «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Социализм и политическая борьба», «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», ряда статей в сборниках, «История русской общественной мысли», т.-е. к материалу, еще более обширному, чем тот, который остался после Плеханова в области теории политической экономии в собственном смысле.

В этой сфере знания можно отметить следующие существенные моменты, на которых останавливался Плеханов: подчеркивание исторического характера экономической науки, определение ее, метод, понятия стоимости (ценности), критика теорий стоимости, «антиномия» закона трудовой стоимости и закона уравнения прибылей, прибавочная стоимость, определение понятия «капитал», земельная рента и закон убывающего плодородия почвы, теория народонаселения, теория облигаций, кризисы, критика утопических теорий Родбертуса и Чернышевского.

1. Исторический характер политической экономии. Определение ее. Метод.

Мы указали уже выше, что марксизм есть учение, охватывающее природу, историю и духовную жизнь. Если экономические условия лежат в основе истории, то политическая экономия насковзь исторична.

Полемизируя с «субъективистами» (Михайловским, Кареевым и К^о), Г. В. Плеханов писал: «Вы признаете экономические взгляды Маркса, отрицая его историческую теорию, говорите вы. Надо сознаться, что этим сказано очень много, а именно: этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономиче-

ских взглядов. О чем говорится в первом томе «Капитала»? Там говорится, например, о стоимости. Там говорится, что стоимость есть общественное отношение производства. Согласны вы с этим? Если нет, то вы отказываетесь от своих собственных слов насчет согласия с экономической теорией Маркса. Если да, то вы признаете его историческую теорию, хотя, очевидно, не понимаете ее»¹⁾...

Если же в основе понимания экономических категорий лежат общественные отношения,—продолжим мы эту мысль,—являющиеся результатом развития производительных сил, то и самый комплекс понятий об экономических отношениях, т.е. политическая экономия, не может быть ни вечной истиной, ни проистекать из «естественного права», как полагали экономисты-классики. (Кэнэ, Смит, Рикардо).

Категории политической экономии и вся теория политической экономии так же «текучи», как течет создающая ее общественная среда. Неправ был поэтому Ж. Б. Сэй, полагавший, что все теории политической экономии до Ад. Смита—слепая ошибка, а потому их и изучать не стоит. Эти теории выражали лишь неразвитость действительности, которую они отражали, но сам Ад. Смит был бы немислим без В. Петти и Ф. Кенэ. Подобно тому, как, по Гегелю, последняя по времени философия есть результат всех предшествовавших философий и потому должна заключать в себе принципы их всех, так и политическая экономия базируется на всех предыдущих экономических учениях. В «Критике политической экономии» Маркс объясняет существование монетарной и меркантильной систем политической экономии тем, что торговля в то время была, главным образом, внешней, а национальное производство было еще сжато в тисках феодализма, почему продукты в большей своей части не превращались в товары и все еще не олицетворяли «богатства народов». Уже учение физиократов означало, что прибавочная стоимость появилась на поверхности буржуазного общества, хотя бы в виде капиталистической прибыли фермера. В «Ницете философии» Маркс называет Ад. Смита и Д. Рикардо «классиками»—представителями буржуазии, еще не успевшей закончить борьбы с остатками феодального строя, стремящейся вперед к умножению

¹⁾ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Изд. 2-е, стр. 183.

производительных сил. «Вся миссия таких экономистов, как Ад. Смит и Рикардо, состоит в следующем: они показывают как производится богатство при буржуазных отношениях производства, формулируют эти отношения в категории и законы и показывают, насколько совершеннее эти законы и категории удовлетворяют цели производства богатств, чем законы и категории феодального общества»¹⁾.

Отсюда понятно, что экономисты-классики представляли себе капитализм единственным экономическим порядком, который способен удовлетворить естественным, неискаженным требованиям человеческой природы, и считали «законы», свойственные этому порядку, естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства», говорит в одной из своих работ²⁾ Плеханов, приводя в подлиннике цитату из «Богатства народов» Ад. Смита, которая в переводе значит: «разделение труда есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся последствие известного, врожденного всем людям, стремления, побуждающего их к торгу, к взаимному обмену одного предмета на другой»...

Однако, действительность не замедлила показать, что мнимо-вечные «законы капиталистического хозяйства переходящи»: из среды третьего сословия выдвинулся пролетариат, идеологи которого, покидая утопическую точку зрения, приходили к убеждению в неизбежности развития капитализма в собственное свое отрицание, и рост рабочего движения недвусмысленно показывал, что блага нового режима весьма относительны. В теории политической экономии происходит новый перелом. «Появляются «романтики», «гуманитарная школа», (Огмонди) и филантропическая школа, представители которой хотят сохранить категории, служащие выражением буржуазных отношений, но без присущего им и неразлучного с ними антагонизма. Они воображают, что серьезно сражаются против буржуазной практики, а на самом деле оказываются еще большими буржуа, чем другие»... «Чем более обнаруживается этот антагонистический характер (буржуазного общества. В. Ч.), тем в большей степени экономисты, научные представители буржуазного производства, запутываются в своих собственных теориях»...

¹⁾ К. Маркс. «Ницета философии». Изд. 1905 г. Одесса, стр. 85.

²⁾ «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», стр. 25.

57

Так говорят о после-рикардовской политической экономии К. Маркс в «Ницете философии», где он критикует «романтика» Прудона.

А вот как говорит о том же Плеханов в одной из ранних своих работ: «Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос, значит уже угрожать ее господству. Да и может ли (курсив подлинника) она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет. Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии (курсив наш. Писано Плехановым в 1883 году, но еще с большим правом относится к современному состоянию теории политической экономии). Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметрально противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них общие теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времени Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кэри, Леруа-Болье или хотя бы современных катедер-социалистов. Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинствующих охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки»¹⁾... Теорией все более пренебрегают, и она превращается в апологетику того строя, внутренние изъяны которого видели уже экономисты-классики.

Прерванную нить изучения капиталистической экономии подхватил К. Маркс, очистив от противоречий и недомолвок,

¹⁾ «Социализм и политическая борьба». Изд. «Огни». Петроград, 1917 г., стр. 60—61.

от шлаков и мусора все, что создано было до него классиками. Вот как определяет Плеханов это значение Маркса, возражая критикам, утверждавшим, что Маркс заимствовал многое у своих предшественников: «Достаточно сравнить «Богатство народов» с «Капиталом», чтобы увидеть, какое стройное разнотие получил у Маркса тот зародыш правильного взгляда на природу и происхождение прибавочной стоимости, который встречается уже у Адама Смита. А этим решается весь вопрос; в этом все дело. Дерево, без сомнения, заимствует у того семени, из которого оно выходит; но дерево отделяется от семени целым — и очень сложным — процессом развития. То же надо сказать и об отношении Маркса к учению Смита: первое несомненно «заимствовано» из второго; но первое отделяется от второго богатым процессом развития, и этим развитием наука обязана главным образом Марксу».

Если иметь в виду, что Смит сам всецело¹⁾ опирался на физиократов — и на Кэнэ в особенности, — то можно сказать, что Маркс, синтетически сливший в своем миросозерцании германскую философию, английскую промышленность и французскую революцию, органическим цементом спаял политико-экономические учения этих трех наций, дал им высшую форму в неподражаемом синтезе. Поэтому нельзя не улыбнуться филистерскому шовинизму столпа «австрийской школы» Карла Менгера, приветствующего своих немецких ученых соратников по поводу «немецкой» политической экономии и по поводу опыта «реформы основ нашей науки» на почве «работ, созданных почти исключительно немецким трудолюбием» (подчеркнуто мной)²⁾.

Плеханов прекрасно уяснил себе и своим последователям историчность политической экономии и глубокую ее связанность с классовой психологией, повидимому, объективных ученых. Классическая политическая экономия соответствует «всплеску» буржуазии, вульгарная — ее упадку; марксистская политическая экономия есть политическая экономия рабочего класса. Но именно потому, что последний, освобождая себя, освободит общество от самого классового строя, политическая экономия Маркса есть лишь отражение внутренних законов

¹⁾ Предисловие Плеханова к «Теории прибавочной стоимости» Маркса, стр. VIII.

²⁾ См. К. Менгер. «Основания политической экономии». Одесса, 1902 г., стр. XII.

капитализма, есть наиболее надклассовая наука. В таком именно духе писал Плеханов в ответ Бернштейну: «Возможен ли научный социализм?». «Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование ученых, «проникнутых духом партий и классовым эгоизмом» (курсив подлинника), говорит он в другом месте, полемизируя с Бернштейном¹).

Существенной заслугой Маркса было выяснение в анализе капитализма тех его тенденций, которые неизбежно ведут к его уничтожению. И как раз в этом пункте смыкалась свобода с необходимостью, и социалистическая утопия становилась научной необходимостью. По разным поводам Плеханов, с присущей ему проникновенностью, выяснил именно этот момент Марксовой «догмы», столь не понятый критиками из буржуазного и социалистического лагеря.

Процесс экономического развития закончится неизбежно устранением капиталистических отношений. Никакого иного исхода быть не может. Именно в открытии экономической необходимости грядущего социалистического преобразования и состоит главная заслуга научного социализма. Эту уверенность сторонники его черпают из анализа капитализма²), — вот положения, которые мы встречаем в статьях против ревизионистов и синдикалистов и в «Монистическом взгляде»...

Если, однако, классическая политическая экономия, завершенная Марксом, завоевывает себе рабочую аудиторию, что заметил уже последний из буржуазных классиков — Родбертус, то аудитория буржуазная, перефразируя Фихте, «выбирает себе такую политическую экономию, которая соответствует ее потребностям». Ибо политическая экономия — лишь «мысленное отражение своего времени»...

На место «историко-реалистической» школы, критике которой, в лице М. Мейера и Э. Лавэля, Плеханов посвятил еще в 1885 году большую статью (см. сборник «За двадцать лет» «Новое направление в области политической экономии»), выдвигается «австрийская школа предельной полезности», про-

¹) «Критика наших критиков» СПб., 1906, 149 стр.

²) Воля деятелей социализма — необходимое звено в этой цепи причинности, — говорит Плеханов. — Рассмотрение этой темы выводит нас за пределы статьи, в область социологии и философии марксизма.

тив которой Плеханов направил также несколько ядовитых стрел.

В связи с краеугольным камнем политической экономии — вопросом о стоимости — мы остановимся на плехановской критике этих теорий. Здесь же отметим отзыв крупнейшего органа английской буржуазии «The Times» на английский перевод Вильямом Смартом известного сочинения Бем-Баверка («этого Бастиа наших дней», как характеризует его Плеханов): «Die positive Theorie des Kapitals». Этот отзыв Плеханов приводит дважды в предисловии к монографии о Чернышевском и в ответе Бернштейну. И не даром: он в высшей степени показателен при всей своей чисто английской лаконичности. «The Times» выражает свое удовольствие по поводу того, что теперь у английского читателя есть противоядие (!) против марксистской теории эксплуатации («antidot to the exploitation theorie of the Marxist School»). Этим сочувственным отзывом лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успеха австрийской школы. «Она нравится идеологам капиталистического порядка именно, как противоядие против теории эксплуатации», говорит Плеханов в одном месте¹). «Буржуазный общественный порядок клонится к упадку. Параллельно с этим совершается и падение буржуазной науки. Защищая буржуазные общественные отношения, теоретики буржуазии понижаются до уровня софистов низшей пробы», пишет он о том же отзыве «Times'a» в другой статье²).

Мы можем указать Карлу Менгеру на это приветствие англичан «немецкому трудолюбию». Очевидно, дело тут не в расовом моменте и не в национальном, а в классовом. Когда буржуазия разрушила феодализм, француз Кэнэ и англичанин Смит бесстрашно проникали в сущность нарождающегося капитализма. Когда же капитализм стал проявлять тенденции предосты и (или) перезрелости), его экономисты испугались его сущности и стали описывать лишь его поверхность.

Такова классовая сущность исторического развития политической экономии, как и идеологии вообще.

Тем понятнее та горячность, с которой нападал Г. В. Плеханов на «бывших марксистов» и разномастных социалисти-

¹) «Чернышевский», стр. 10. СПб., 1910 г.

²) Ответ Бернштейну на его брошюру: «Возможен ли научный социализм?» Одесса, 1906 г. Изд. «Буревестник», стр. 64.

ческих критиков, которые плелись в хвосте реакционных теорий политической экономии и «сочетали» Маркса законным браком то с Brentano (Струве, Бернштейн), то с Бем-Баверком (Франк, Туган-Барановский), то с Парето (Энрико Леоне). Он решительно борется с «неомарксизмом» в политической экономии, который вытаскивал камень за камнем из мощного здания, воздвигнутого Марксом, под предлогом его ревизии справа и слева. Плеханов мастерски вскрывает единую сущность реформизма и синдикализма, одинаково исходящих из ложно понятых и толкуемых принципов марксовой политической экономии. «Реформизм, подчиняясь влиянию буржуазных теоретиков социальной реформы, преувеличивает значение вмешательства буржуазного государства в отношения между трудом и капиталом». ...«Революционный синдикализм, подчиняясь влиянию нового манчестерства и воскрешая Прудона, восстает против государства и в своем анархическом увлечении доходит до того, что местами отказывается прибегать к государственному вмешательству даже тогда, когда оно может принести рабочему классу свою долю пользы»¹⁾...

И реформизм и синдикализм—результат идейного подчинения социализма буржуазной «догме», следствие возрождения кумиров, которых низвергла политическая экономия Маркса.

Особенно клеймит Плеханов эклектиков à la Туган-Барановский, соединяющих несоединимое—Бем-Баверка с классиками. Невозможно «соединять» теории, из которых одна берет за основу «психологическую потребность, отвлекаясь от сущности отношений производства, другая—эти отношения производства считает именно такой основой.

Как определяет Плеханов содержание политической экономии, как науки? Исходя из определяемых Марксом существенных категорий науки, он вполне правильно говорит, что «политическая экономия есть наука о тех законах, которыми определяются отношения людей в общественном процессе производства, а эти взаимные отношения... объясняются в последнем счете состоянием производственных сил в данное время и в данном обществе».

Это определение охватывает все категории науки, из которых каждая выступает так же, как общественное отношение,

¹⁾ «От обороны к нападению», стр. 319.

и в то же время в этом определении отнесен глубоко исторический характер политической экономии.

Метод Плеханова с формальной стороны тот же, что и метод «Капитала»—дедукция, он пользуется им в своих главных работах по теории политической экономии о Чернышевском и Родбертусе. Но Плеханов часто пользуется и индукцией, опираясь на статистику.

По существу его метод—метод диалектического материализма, вскрывающий prius общества в виде производительных сил в их развитии путем противоречий.

2. Стоимость. Критика теорий стоимости. „Антиномия“ закона стоимости с законом равного уровня прибыли.

Плеханов не раз подчеркивает, что учение о стоимости есть пробный камень теории политической экономии и основа науки о законах производства. Ошибка в понимании стоимости ведет за собою всевозможные ошибки и делает невозможным понимание сущности капитала.

Поэтому, отдавая должное Родбертусу, который, опираясь на классиков, любил повторять, что «товар стоит труда и только труда», Плеханов отмечает, что Родбертус не знал понятия «общественно-необходимого труда», введенного Марксом. Отсюда происходила главная ошибка Родбертуса, полагавшего, что закон стоимости осуществится только в социалистическом обществе, и полное непонимание им сущности конкуренции, благодаря которой только и действует закон стоимости в современном буржуазном обществе.

Очень высоко ставя Чернышевского, Плеханов, однако, указывает на непонимание им теории стоимости Рикардо, так как Чернышевский вслед за эклектиком Д. С. Миллем определяет стоимость то через труд, то через издержки производства + прибыль, т. е. вводя в определение то, что надо определить. Отсюда у Чернышевского непонимание денег, капитала, ренты и пр. «Меновая стоимость,—пишет Плеханов,—выражает самое простое отношение (курсив его) производителей в общественном производстве. Другие отношения, как, например, капитал, выражают собою уже гораздо более сложные и притом производные отношения. Поэтому правильное понимание их невозможно без правильного понима-

ния стоимости»¹⁾ (курсив Плеханова). Именно неправильное понимание этой категории повело Прудона, Родбертуса, Чернышевского к утопии «конститутивной стоимости».

Укажем здесь, что Плеханов не раз говорил, что термин „Wert“, „value“, „valeur“ следует переводить термином «стоимость» а не «ценность», потому что товар стоит труда. Поэтому и в редактированной им первой книге «Теории политической экономии» этот термин переведен «стоимость». Нам думается, что это тем более необходимо, что термин «ценность» предполагает субъективную оценку и потому широко растворяет двери австрийской школе субъективной ценности.²⁾ А о последней школе Плеханов говорил, что она отвлекается от всех отношений производства и закрывает путь к пониманию экономических категорий, т. е. прежде всего категорий стоимости. И он сочувственно цитирует работу бернского приват-доцента д-ра Ф. Лившица „Zur Kritik der Boehm-Bawerkschen Werttheorie“ «Теория предельной полезности есть насказь капиталистическая теория, т. е. теория, исходящая (сознательно или бессознательно) из капиталистических стремлений. Ее успех назван современным капитализмом».

Уже Энгельс в своей ранней брошюре указывал на Сая, который стремился определить стоимость вещи ее полезностью. Плеханов в статье «Новое направление в области политической экономии» разбирает подобную же теорию Лавелэ, значение которой в том, что рассуждения, подобные его рассуждениям, определяют научное значение по крайней мере «трех четвертей» современных экономистов³⁾. Лавелэ, доказывая, что меновая стоимость непропорциональна труду, приводит пример, что заяц, убитый одним, и коза, убитая другим, оцениваются различно, так как зайца едят один день, а козу пять дней, хотя убить их стоило одинакового труда.

Плеханов возражает, что в случае обмена произошло бы одно из двух: «или «я» должен был бы платить «вам» за зайца «козой» (если бы убить козу было всегда так же легко, как зайца), или «вы» прекратили бы охоту за зайцами, и стали бы, в свою очередь, убивать коз».

1) «Чернышевский», 386 стр.

2) От редакции. Вопрос о термине «стоимость» или «ценность» редакция считает дискуссионным.

3) «За двадцать лет», стр. 389

Говоря о школе «L'экономie pure» («новейшее манчестерство») — Парето-Панталоне, Плеханов возражает против психологической теории стоимости, утверждающей, что раз дана потребность и продукт, то продукт будет иметь стоимость.

К числу наиболее распространенных возражений против теории трудовой стоимости Смита — Рикардо — Родбертуса — Маркса принадлежит указание на то, что цены товаров не совпадают с их стоимостью, что закон определения стоимости товара трудом, затраченным на его производство, находится в противоречии с законом равного уровня прибыли во всех отраслях промышленности. Конкуренция выравнивает норму прибыли, несмотря на то, что товары в одной отрасли производства стоят больше, в другой меньше, в зависимости от различного отношения частей постоянного и переменного капитала. Отсюда якобы «противоречие» между I и III томами «Капитала».

Этот вопрос имеет целую литературу. Родбертус претендует на приоритет решения этого противоречия в том смысле, что цены «тяготеют к стоимости, что закон стоимости проявляется в буржуазном строе лишь как тенденция...»¹⁾. Но вот Плеханов указывает, что уже Рикардо понимал, что цены не совпадают со стоимостью, и ссылается на 4-й отдел первой главы первого тома его «Начал политической экономии», трактующий вопрос о том, что «закон, в силу которого количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной степени видоизменяется вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала». В тексте у Плеханова эта цитата не приведена (она стоит в примечании) и ее смысл несколько ослаблен, так как Плеханов говорит, что, по мнению Рикардо, «н е р е д к и с л у ч а и», когда закон стоимости сталкивается с законом равного уровня прибыли, и это столкновение разрешается в ущерб стоимости. Это неточная передача духа и смысла 4-го (и 5-го) отделов первой главы творения Рикардо²⁾, но дело от этого по существу не меняется: уже Рикардо прекрасно знал о знаменитой антиномии. Неужели же Маркс ее упустил? Возражая С. Франку и Бенедетто Кроче, Плеханов рядом ссылок на первый и второй томы «Капитала» показы-

1) «От обороны к нападению»; стр. 392—393.

2) См. Родбертус. «Капитал». Четвертое социальное письмо к Кирхману, стр. 4—5, 8—11.

3) См. Рикардо. «Начала». В особенности стр. 18 и 27 перевода Плеханова, СПб, 1908 г.

вает, что эти «критики» ошиблись и, что Маркс уже задолго до выхода II тома знал, что закон стоимости модифицируется («considerably modified», как писал еще Рикардо) в условиях буржуазного производства, и что он не может теперь проявляться иначе, как в колеблющихся вокруг некоторого уровня ценах. Это противоречие не Маркса, а противоречие условий буржуазного производства, подобно тому, как и противоречивость кризисов не Марксом «придумана», а лишь вскрыта им. Вот цитата из первого тома «Капитала», доказывающая непосредственно, что Маркс писал о стоимости, прекрасно зная, что он рассматривает ее, так сказать, лабораторным путем, абстрагируясь от закона равного уровня прибыли: «Если бы беспристрастное мышление было в интересах капиталиста, он должен был бы поставить себе задачу происхождения капитала следующим образом: каким образом может образоваться капитал в том случае, когда цены регулируются средней ценой, т.е. последней инстанции стоимостью товара. Я говорю в последней инстанции, потому, что средние цены не совпадают прямо с величинами стоимости товаров, как это думают А.Смит, Рикардо и другие»... ¹⁾ Эта цитата приводится Плехановым по переводу 1872 г. В переводе Струве, более точном и правильном, в этом случае, это место гласит так (мы только заменяем слово «ценность» «стоимостью»): «Если бы беспристрастное мышление было в интересах капиталиста, то проблема образования капитала представилась бы ему в следующем виде: как может образоваться капитал при регулировании цен средней ценой, т.е. в конечном счете стоимостью товара. Я говорю «в конечном счете», так как средние цены не совпадают прямо с величиной стоимости товаров, как это полагают А. Смит, Рикардо и другие»... Мы видели, что, в сущности, Рикардо уже понимал факт несовпадения цен со стоимостью, и в этом отношении нужно внести, если хотите, поправку в Маркса. Но в предисловии к «Ницете философии» Энгельс уже делал это замечание о Рикардо ²⁾.

Возражая Франку и его учителю Бем-Баверку, открывшему указанные «противоречия» между I и III томами «Капитала» в своей работе: „Zum Abschluss der Marx'schen System“, Пле-

¹⁾ «Критика наших критиков», стр. 249.

²⁾ См. предисловие к «Ницете философии», пер. Алексеева. Одесса. 1905 г., стр. VII—VIII.

ханов приводит еще цитату из II тома «Капитала», где Маркс говорит: «При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами в различных предприятиях, различные сроки, на которые затрачивается капитал (следовательно, продолжительность существования основного капитала, например), и различный органический состав капитала (следовательно, также различное обращение постоянного и переменного капитала) оказывают соразмерное (имеют одинаковое) влияние при приведении прибыли к общей норме и превращении стоимости в цену производства» ¹⁾.

Это место, во-первых, очень напоминает вышеприведенное из Рикардо, во-вторых, трактует уже прямо о предмете III тома и в тех же терминах. В статье по тому же вопросу против В. Кроче Плеханов приводит еще три цитаты из второго тома, доказывающие не только то, что нет «противоречия» между I и III томами, но и то, что закон стоимости есть основа, на которой только и может проявиться закон равного уровня прибыли. Мы не приводим этих цитат, чтобы не загромождать этой статьи, и отсылаем читателя к статье Плеханова против Бенедетто Кроче ²⁾.

Там же читатель найдет и обширную выдержку из письма Маркса к Кугельману на ту же тему о «форме проявления закона стоимости» ³⁾. Можно указать на ряд мест в «Ницете философии» (стр. 31, 33, 35, 61 перевода Алексеева), в ранней, относящейся к началу 40 г.г., работе Маркса: «Наемный труд и капитал» (стр. 12—13, изд. «Молот», 1905 г.), в работе молодого Энгельса: «К критике политической экономии» (29 и 31 стр. в изд. «Молот», 1905 г.), чтобы убедиться, что и Маркс и Энгельс всегда отдавали себе полный отчет в «противоречии» закона стоимости с законом прибыли. И Энгельс совершенно прав, когда пишет в «Анти-Дюринге», помимо ссылок на ряд мест из I тома «Капитала», но помимо обещания Маркса решить «противоречие» в III томе: нужно только внимательнее прочитать в весь первый том, чтобы понять, что закон стоимости только в конкуренции и проявляется (см. 307—308 стр., изд. Яковенко, 1904 года). Мы укажем еще, что в ряде мест первой части «Теории прибавочной стоимости» К. Мар-

¹⁾ «Критика наших критиков», 250—251 стр.

²⁾ Ibid., стр. 264.

³⁾ Ibid., стр. 267. См. также „Письма Маркса к Кугельману“ ЦГТ, 1907 г., стр. 47—49.

кса, изданной в переводе под редакцией Плеханова в 1906 году, можно найти ряд указаний на то, что Маркс всегда имел в виду «указанное противоречие» и прекрасно его понимал ¹⁾. Этот глубокий мыслитель, проникший в самые сокровенные тайны капитала, разумеется, не мог не заметить того, что видно уже на его поверхности всякому вульгарному экономисту — закон равной прибыли ²⁾. Выяснению того, как проясляется в условиях капитализма закон стоимости, посвящена девятая глава третьего тома «Капитала». Здесь и в десятой главе решается вопрос, как «стоимость» выражается на практике в «цене производства». Насколько это не противоречит принципу стоимости, видно из того, что говорит Маркс на 157 стр. III тома «Капитала»: «Чего конкуренция не показывает, так это того, чем определяются стоимости, что господствует над движением цен производства; стоимости, которые стоят в основе цены производства и, в конце-концов, (подчеркнуто мною. В. Ч.) определяются ею». Как видит читатель, формулировка здесь вполне совпадает с той, которая приведена Плехановым в первой цитате из первого тома (см. выше). Там стояло — «определяет»: «в конечном счете» («в последней инстанции»), здесь — «в конце-концов»...

Почему же Маркс излагал I том так, как будто не существует закона равной прибыли, что и подало повод к такому непониманию его критиками? Это объясняется тем, что Маркс изучал основную категорию капиталистического производства, так сказать, лабораторным способом, абстрагируясь от конкретных условий ее воплощения, совершенно уподобляясь химику или математику, изучающему закон в его сущности, а затем принимающему во внимание влияние на него других законов, более или менее изменяющих его действие. Химик производит свои реакции в лаборатории, открывая закон; техник применяет его на практике, учитывая влияние других законов (света, температуры, атмосферы и проч.). В III томе «Капитала» есть место, прямо говорящее об этом методе исследования. «Обмен товаров по их стоимости, или близкой к ним, требует поэтому гораздо более низкой степени развития, чем обмен по ценам производства, для чего необходима определенная высота капиталистического развития... Поэтому, по существу дела совершенно правильно не только теоретически,

¹⁾ См. «Теория прибавочной стоимости», стр. 110, 125, 132—133.

²⁾ Капитал, III т., стр. 111, перевод Н.—она. СПб. 1896 г.

но также исторически рассматривать стоимость товаров, как *rigius* цен производства, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости» ¹⁾.

Плеханов говорит, что уже с начала 80-х годов он был твердо убежден, что рассматриваемая нами антиномия решается в направлении, указанном Родбертусом, «отвлекаясь от некоторых неясностей и неправильностей в построениях» его ²⁾. Он объясняет, что свою известную задачу в предисловии ко II тому Энгельс предложил именно родбертусианцам, чтобы заставить их признать, что родбертусово решение не имеет под собой достаточно удовлетворительной научной основы, которая дана только в III томе. Так как к решению задачи подошли только марксисты (К. Шмидт и Фирман), то родбертусианцы были разбиты. Излагая в 80-х годах учение Чернышевского и попутно учение Маркса ³⁾, Плеханов держался того же абстрактного метода Маркса. «Если бы мне кто-нибудь сказал, что мое изложение этого учения (Маркса. В. Ч.) неточно, то я отвечал бы вопросом: разве не точно излагает учение современной астрономии тот, кто, говоря, что планеты движутся по эллипсисам, не считает при этом нужным, в силу тех или других соображений, сделать добавление на счет тех отклонений от эллиптической орбиты, которые наблюдаются в действительном движении планет и которые, в свою очередь, находят свое объяснение в других теоремах науки. В естествознании мы почти на каждом шагу сталкиваемся с тем явлением, что действие одного закона ограничивается и, следовательно, видоизменяется действием другого. И никто этому не удивляется. А когда Маркс в III томе своего «Капитала» сказал, что действие закона стоимости ограничивается и, стало быть, видоизменяется действием закона равного уровня прибыли, то его противники, в роде г. Бем-Баверка, закричали, что он противоречит сам себе и отвергает основу своего собственного экономического учения. Это просто-напросто несерьезно».

Полемизируя с Воронцовым, Плеханов по поводу той же ⁴⁾ «антиномии» приводит пример из физики, а именно закон о распространении света в пустом пространстве и однородной

¹⁾ Капитал, т. III, стр. 130—131.

²⁾ Плеханов, «Н. Г. Чернышевский», стр. 18.

³⁾ Впервые на страницах «Отечественных Записок» в 1882 г.

⁴⁾ «Чернышевский», стр. 19.

среде по прямой линии и движении его в действительности в среде с изменяющейся плотностью—по ломаной линии. «Ну, и что же,—спрашивает Плеханов Воронцова,—отклоняются от чего-либо ученые, исследующие законы преломления света и указывающие их действие? *«Противоречат»* (курсив автора), они основному положению оптики, гласящему, что свет распространяется по прямой линии? Устраняет ли законы преломления света закон его прямолинейного распространения? Нет, они только видоизменяют окончательный результат его действия, а сам он ни на одно мгновение не перестает действовать. И это всякому понятно. Всякий образованный человек знает, что столкновение двух законов природы не прекращает действия ни одного из них. А вот в политической экономии этому многие продолжают удивляться»¹⁾.

На этом примере с «антиномией» мы лишний раз убеждаемся, как ясно и целостно было мировоззрение Плеханова, как монизм в понимании природы и духа влечет за собой неизбежно монизм в научном методе при изучении явлений природы и духа, и как в корне безнадежны попытки методологически «дуализировать», так сказать, эти сферы знания, в роде попытки Риккерта.

В высшей степени просто и ясно разрешает Плеханов рассматриваемую нами антиномию.

«Меновая стоимость» выражает собою отношения товаропроизводителей в общественном процессе производства. Пока и поскольку мы имеем дело с обществом простых товаропроизводителей, до тех пор и постольку она выражает их точно и в общем совпадает с трудовой стоимостью продуктов. Но вот общественные отношения производителей усложняются. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (ведь капитал,—это тоже общественное отношение производителей). Меновая стоимость производится теперь ради производства прибавочной стоимости. Это усложнение общественных отношений производителей влияет на меновую стоимость в смысле ее отклонения от трудовой стоимости...²⁾ (курсив Плеханова).

«Меновая ценность» (Плеханов оговаривается, что он делает уступку этому термину, во избежание терминологич-

¹⁾ «Обоснование», стр. 60.

²⁾ «Обоснование», 59—60 стр.

ческой путаницы), есть форма, которую принимает действие закона ценности, способ действия этого закона. Она—не более, как историческая категория. Но если способ действия названного закона изменяется в зависимости от изменяющихся общественных отношений, то действие его неустранимо, как неустранимо действие вечных законов природы. Поэтому, если мы видим, что способ действия изменяется или осложняется по той или иной причине, например, вследствие конкуренции между капиталистами, то это отнюдь не значит, что само это действие прекращается или устраняется хотя бы только отчасти. Нет, проявляясь иначе или переплетаясь с действием другого закона, оно все-таки остается во всей своей силе, и задача исследователя заключается в том, чтобы проследить его через все разнообразие новых форм и сплетений. Эту задачу и решает Маркс в своем «Капитале»¹⁾.

Совсем иное—«вульгарные экономисты», выдающие решение вопроса в ценах производства, т.е. там, где капитал—еще «финкс». «Цена производства представляет уже вполне отчуждаемую и *prima facie* бессодержательную форму товарной стоимости, форму, какую она проявляет в конкуренции, т.е. в сознании вульгарных капиталистов, а потому также имеется и у вульгарных экономистов»²⁾. В одном из писем к Кугельману Маркс писал по поводу критики Фаухера: «Вульгарный экономист чужд всякой догадки о том, что между действительными повседневными отношениями обмена и величинами стоимости не может быть непосредственного тождества. Ирвинг (der Witz) буржуазного общества состоит как раз в том, что отсутствует а priori сознательное общественное регулирование производства. Разумное и естественно необходимое предлагает себе дорогу лишь как слепо действующее среднее. А в виду этого вульгарный экономист воображает, что делает большое открытие, когда вопреки раскрытой внутренней связи он находит на то, что в явлении вещи выглядят иначе. В действительности же он показывает только то, что он держится за внешность и считает ее конечной причиной. Но в таком случае, зачем вообще наука? Но этот вопрос имеет под собою еще и другую подкладку. При понимании внутренней связи, еще ранее действительного крушения рушится вся-

¹⁾ «Критика критиков», 267—268 стр.

²⁾ «Капитал», III т., стр. 150.

кая теоретическая вера в перманентную необходимость существующего порядка вещей. И, следовательно, в этом вопросе сохранение навеки бессмысленной путаницы безусловно в интересах господствующих классов. А то, за что же платят сикофантам—болтунам, которые не в состоянии найти иного научного козыря, кроме того, что в области политической экономии вообще не следует мыслить?»¹⁾

То, что здесь высказано в резкой политической форме. Маркс повторяет в академическом тоне в III томе «Капитала»: «Готовые формы экономических отношений, какими они представляются при поверхностном взгляде, в действительности, а потому также и в тех понятиях, которыми представители и агенты этих отношений домогаются уяснить их себе,—крайне отличны и на самом деле переименованы, противоположны своему внутреннему, существенному, но скрытому основному содержанию и соответствующему понятию»²⁾.

Чем более вдумываешься в этот вопрос, тем яснее громадное значение «разъяснений» Плеханова. Вот, например, г. П. Струве стремится возвести вульгарную экономию в перл создания в своей последней работе «Хозяйство и цена». И он, несомненно, воображает, что делает большое открытие, тогда как только реставрирует достопочтенного Бастиа. Показательно, что за г. Струве идет целая «плеяда» молодых экономистов и, того и гляди, создается «школа»... Но право же, прочитывая книгу этого в «plus que parfait» марксиста, повторяешь за Марксом и его блестящим интерпретатором Плехановым: «но тогда зачем вообще наука, зачем же вообще наука?»

3. Прибавочная стоимость. Капитал. Земельная рента.

Прибавочная стоимость является производной от стоимости и потому она также есть общественное отношение, состоящее в том, что капиталист покупает рабочую силу по ее стоимости, а получает путем ее производительного потребления стоимость большую приобретенной в рабочей силе. Плеханов, разбирая Чернышевского и, следовательно, Милля, которого некритически повторяет наш крупнейший просветитель, отмечает, что Милль остается далеко позади Рикардо в определении

¹⁾ Письма Маркса к Кугульману, стр. 49.

²⁾ «Капитал», III, 157.

сущности прибавочной стоимости¹⁾. Подобно Смиту и Миллю Чернышевский под прибылью подразумевает прибавочную стоимость и отрицает ее, ссылаясь не на внутренний закон развития капитализма, а исходя из соображений «экономического расчета», т.е. стоя на точке зрения до-научного социализма.

Зато Струве уже в 1900 году в журнале «Жизнь» выступал по вопросу о прибавочной стоимости вполне определенно в роли апологета и получил отповедь от Плеханова и «Карелина» (В. И. Засулич в «Научном Обозрении»). В статье: «Основная антиномия теории трудовой стоимости» («Жизнь», февраль, 1900 г.) Струве писал: «прибавочная ценность (т.е. стоимость), воплощенная в прибавочном продукте, создается не только живым трудом», а есть функция всего общественного капитала... «Это Геркулесовы столбы буржуазной апологетики»—замечает Плеханов²⁾.

Понятие «капитал» Плеханов выясняет всесторонне и неоднократно в связи с критикой Чернышевского (Милля) и Родбертуса. Ни Чернышевский, ни Милль, ни Родбертус никогда не поднимались до понимания капитала, как общественного отношения производства... Плеханов приводит цитату из «Наемного труда и капитала» Маркса: «Негр есть негр. Лишь в определенных условиях становится он рабом. Хлопчатобумажная машина есть машина для прядения хлопчатой бумаги. Лишь в определенных условиях становится она капиталом»³⁾,—из которой делает заключение, что капитал лишь кажется отношением вещей, на самом же деле является отношением людей. Определение капиталу он дает такое: «Капитал есть меновая стоимость, одаренная способностью к совершенно, повидимому, произвольному возрастанию» (курсив Плеханова). Таким образом, капитал определяется Плехановым через меновую стоимость, которая есть, как мы видели, выражение взаимных отношений производителей в процессе производства, т.е. капитал—сам форма этих отношений. Определение же капитала, «через накопленный труд, служащий средством для нового производства», Плеханов называет «наименее состоятельным», так как «хорошо определение,—в котором отсутствует главный отлич-

¹⁾ «Чернышевский», 424—5, 451 стр.

²⁾ «Критика критиков», 70 стр.

³⁾ «От обороны к нападению», 607 стр.

тельный признак». То, что Милль (и за ним Чернышевский) называет капиталом, есть не более, как средство производства.

У Родбертуса есть различие «капитала самого по себе» (или в логическом смысле) и капитала, составляющего частную собственность (или в историческом смысле). Плеханов в своей большой работе о Родбертусе показывает, что «логический капитал» не более как средство производства, а исторический капитал и есть просто капитал ¹⁾. Мы не будем более входить в рассмотрение этого предмета и отсылаем читателя к четвертой главе отдела второй части второй большой монографии Плеханова о Чернышевском, где вопрос о капитале разобран прямо-таки с поразительной ясностью и простотой.

Следующий большой вопрос политической экономии—вопрос о земельной ренте. Чернышевский держался на земельную ренту взгляда Рикардо, признававшего только «дифференциальную» ренту, обусловленную переходом на менее и менее плодородные участки. Маркс доказал существование и абсолютной ренты, и эту поправку вносит Плеханов во взгляды Чернышевского—Милля. И в этом отношении прав Родбертус, утверждавший, что «за вычетом прибыли на капитал из доставшейся обладателям сырого продукта ренты ²⁾, всегда должна остаться некоторая часть в виде поземельной ренты, как бы велика или мала ни была стоимость сырых продуктов». (Подчеркнуто Плехановым). «Основной пункт и краеугольный камень» теории поземельной ренты Родбертуса состоит в том, что при равном, чистом доходе фермер получит большую прибыль, чем фабрикант, так как в земледелии органический состав капитала ниже (издержки производства фабриканта выше). Но конкуренция уравнивает прибыли, и излишек дохода поступает от фермера к землевладельцу. Этот взгляд Плеханов подвергает критике как в работе о Родбертусе, так и в «Обосновании народничества» (см. стр. 54-55).

Укажем также, что задачу с необитаемым островом, которую Родбертус предложил рикардianцам в Гильдебрандовских «*Jahrbücher*» за 1870 г., Плеханов очень легко решил совершенно в духе Рикардо, сказав, что дифференциальная

¹⁾ «За двадцать лет», стр. 528—9, 570, 634. См. также «Чернышевский», стр. 306—7.

²⁾ У Родбертуса понятие «ренты» в широком смысле равносильно понятию прибавочной стоимости. В. Ч.

рента существует на ряду с абсолютной (Родбертус находил, что теория дифференциальной ренты построена на шатком основании) ¹⁾.

Но в одном вопросе, близко связанном с земельной рентой, Плеханов сходится с Родбертусом и расходится с Рикардо—это в вопросе об убывающей плодородии почвы. В качестве агрария-практика Родбертус «со свойственной ему основательностью» (слова Плеханова) разобрал это положение английской школы при помощи аргументов, которым Плеханов придает «огромную важность» ²⁾. Вот эти три аргумента: 1) в Западной Европе до самого последнего времени также часто совершался переход от худших участков к лучшим, как и наоборот, 2) последующие затраты не всегда и не везде были и будут менее производительны, чем предшествующие, 3) худшие участки могут давать ренту и помимо возрастания стоимости продуктов. Все эти соображения Родбертус снабжает обширными фактическими данными, которые не оставляют сомнения, что, как говорит Родбертус, препятствия к развитию земледелия «устраняются с развитием общества и не могут иметь тех последствий, которые выводятся из них системой Рикардо». Подтверждение правильности взгляда Родбертуса и своего собственного Плеханов уже более чем через двадцать лет по написании статьи о Родбертусе нашел в «*Theorien über den Mehrwerth*» Маркса ³⁾, и Плеханов обращает на эти страницы (172 и 174 немецкого издания 2-й части) внимание П. Маслова, до сих пор признающего теорию убывающей производительности земледельческого труда вслед за Рикардо и Мальтусом.

4. Теория народонаселения Мальтуса. Теория относительного обнищания. Кризисы. Критика утопий.

Раз мы заговорили о Мальтусе, нужно естественно перейти к критике его закона народонаселения. Чернышевский со своим «историческим методом» мало дал для критики Мальтуса. Как известно, по Мальтусу, все социальные бедствия не более, как закон природы, объясняемый тем, что народонаселение растет в геометрической прогрессии, а средства существования только в арифметической. Маркс разобрал в «Капитале» полную бездоказательность этой гипотезы, доказав, кроме того, что

¹⁾ «За двадцать лет», стр. 643—4.

²⁾ *Ibid.*, 577 стр.

³⁾ См. «Чернышевский», 470.

Мальтус—плаггиатор. Плеханов выяснил, что до Мальтуса по этому вопросу ранее и «гораздо основательнее» Мальтуса писали Франклин, Уоллес, Юм, Мирабо-отец, Монтескье, Джеймс Стюарт и Герреншванд, при чем два последних уже определенно ставили закон народонаселения в зависимость от общественных условий. Выдумка «закона природы» объясняется борьбой имущих классов против налога в пользу бедных, введенного еще со времен Елизаветы. Этот закон доказывал де тцету государственного вмешательства в предначертания всевышнего. Следовательно, вся теория Мальтуса была просто классовым рефлексом против социальных мероприятий. Это Плеханов вскрывает с полной ясностью.

Если мальтузианцы учили смирению пред законами природы и воздержанию, то школа Кэри и Бастиа находила, что классовые противоречия смягчаются, так как относительная доля рабочего класса в общем национальном фонде все увеличивается ¹⁾. За этой парой вульгарных экономистов эту мысль доказывали Брентано, Бернштейн и Струве. Со всеми ими вел неоднократно полемику Плеханов, доказывая и дедуктивно и статистически, что доля рабочего относительно падает по отношению к общему фонду. При этом Плеханов доказывал, что Маркс никогда не развивал теории абсолютного обнищания рабочего класса, каковую теорию ему навязывали услужливые критики. Рядом цитат из «Наемного труда и капитала» и первого тома «Капитала» Плеханов установил с несомненностью, что у Маркса шла речь только об относительном обнищании ²⁾.

Из двух подробно разбираемых Плехановым экономистов по вопросу об обнищании, Чернышевский только подошел к объяснению причины этого явления, когда писал, что «коренная черта экономического прогресса с технической стороны—расширение производительной единицы по мере успехов сочетания труда». Главной же причиной обнищания он считал, что наемный рабочий... теряет «самоуважение» (см. Чернышевский, 405—407 стр.). Зато в Родбертусе Плеханов находил определенного защитника теории обнищания. «При возрастающей производительности общественного труда заработная плата составляет все меньшую и меньшую часть национального дохода

(курсив Родбертуса)... Плата за труд, рассматриваемая как часть продукта, падает по меньшей мере в той же, если еще не в большей пропорции, в какой увеличивается производительность труда». В этом вся суть социального вопроса по Родбертусу ¹⁾. Плеханов сообщает, что в 1873 году Родбертус послал в редакцию „Berliner Revue“ опыт о распределении национального дохода в Англии, названный им: «Die Baksterische und die Colguhonnische Einkommens-Pyramide» («Пирамида доходов Бакстера и Колькугонна»). «Это поразительная, страшная статистическая картина, основанная на официальных данных. Вы не можете себе представить, какая печальная разница произошла в распределении (удвоившегося) населения и (возросшего в шесть раз) национального дохода в промежуток времени от 1812 года (исследованное Colguhonna по 1866 год, к которому относятся исследования Baxstera)». Доход все более концентрируется в денежном мешке на вершине общественной пирамиды, весь прирост населения поглощается ее основанием, он ведет лишь к увеличению рабочего муравейника, наконец, соответствующие средним классам *middle incomes* постоянно уменьшаются. Эти статистические данные превзошли все мои ожидания. Я никогда не думал, чтобы могли существовать такие тяжелые пункты обвинения против государственной системы... Общество напоминает собою сутягчатое животное с перетянутой талией. Довольно. Это зрелище «достойное богов» ²⁾...

Любопытно, что душеприказчик Родбертуса, известный профессор А. Вагнер, не опубликовал этого сочинения под предлогом его незаконченности.

Нам известно, что своей трактовке «теории обнищания» ³⁾ Плеханов сам придавал большое значение.

В тесной связи с этим вопросом стоит вопрос о кризисах. Интересно, что уже Франсуа Кэнэ указывал на связь воспроизводства и обнищания ⁴⁾, что и отметил Плеханов, как путь правильного решения вопроса о кризисах («За двадцать лет», стр. 363). Родбертус, на которого ссылается Плеханов, указы-

¹⁾ «За двадцать лет», 521—522 стр.

²⁾ Ibid., 59—3 и примечание.

³⁾ Новые данные, подтверждающие взгляды Плеханова на «относительное» обнищание находим в обстоятельной монографии С. И. Солнцева: «Заработная плата, как проблема распределения». СПб. 1911 г., стр. 343, 351, 359, 375, 404, 420, 460—61.

⁴⁾ См. Ф. Кэнэ. Избр. сочинения. Изд. Солдатенкова, 1896 г., стр. 76.

¹⁾ См. брошюру Маркса: «Кэри и Бастиа». СПб. 1905 г., предисловие Каутского, стр. 6, а также стр. 10 и 20.

²⁾ См. «Критика критиков», 78—80 стр.

вает, что «критика кризисов заключается единственно в несоответствии покупательной и производительной силы». Плеханов говорит, что учение Родбертуса основано на признании только некоторых элементов кризисов, и утверждает, что их неизбежность вызывается общим ходом развития крупной промышленности, самой из себя создающей «резервную армию» труда. «Причина кризисов», — замечает он, — «лежит в несоответствии капиталистического способа производства с современным состоянием производительных сил общества» ¹⁾. Родбертус «не выяснил окончательно исторического значения кризисов». По поводу взгляда Чернышевского на кризисы Плеханов говорит, что «его взгляд гораздо глубже и вернее, чем взгляд Милля, поверхностность которого доходит в этом случае до апогея» ²⁾.

Укажем еще в заключение, что критика Плехановым утопий Чернышевского и Родбертуса о реализации в обществе будущего полного продукта труда, о «трудовых ассигнациях» и проч. — по методу напоминает марксову критику Прудона. Плеханов точно устанавливает, что в основе их утопий лежит полное непонимание главнейших категорий буржуазных отношений производства: стоимости, капитала, земельной ренты.

Как известно, на Западе в университетах доктрина трудовой ценности считается изжитой. Под шумок и у нас проskalзывают книги, написанные под явным влиянием книги Струве «Хозяйство и цена». Школа Сэй-Бастиа образуется с несомненностью.

Не мало еще «докторских дипломов получено будет за критический пересмотр Маркса» ³⁾, но сторонникам Маркса необходимо будет «подвергнуть Парето, Шульце-Геверница или Бем-Баверка критике с точки зрения Маркса» ⁴⁾.

Плеханов не мог угнаться за всеми экономическими «школами» и оставил большую работу такого критического пересмотра своим последователям.

Изучение Плеханова дает сильнейший к этому толчок, ибо «приятно рваться у корней истины».

В. Р. Чернышев.

¹⁾ «За двадцать лет», 521—522 стр.

²⁾ «Чернышевский», 416 стр.

³⁾ «Критика наших критиков», стр. 204.

⁴⁾ «От обороны к нападению», стр. 484.